

Содержание

Предисловие	7
Благодарности	9

ЧАСТЬ I. **МЫ**

Глава 1. Порок.....	13
Глава 2. Такие не выживают.....	19
Глава 3. Просто плод.....	33
Глава 4. Мы этими вещами не занимаемся.....	38
Глава 5. Шанс.....	54
Глава 6. Других родишь.....	61
Глава 7. Приговор по-немецки.....	67
Глава 8. Вы можете спеть ему песню.....	73
Глава 9. Выбор. Эти странные три дня.....	77
Глава 10. Психолог из дальнего космоса.....	81
Глава 11. Приглашение на казнь.....	88
Глава 12. Пока-пока.....	98
Глава 13. Увидеть бейби.....	109
Глава 14. На долгую память.....	114
Глава 15. Паника.....	118
Глава 16. Заговор молчания.....	120

Глава 17. Пятьдесят на пятьдесят	127
Глава 18. Безвоздушное пространство.....	130
Глава 19. Совсем не беспокоил	135
Глава 20. Младенец без имени и злая колдунья	141
Глава 21. Дно	150
Глава 22. Придется пролечиться.....	153
Глава 23. Оливки и парадоксы.....	162
Глава 24. Мальчик	167
Послесловие	170

ЧАСТЬ II. ДРУГИЕ

Предуведомление	181
Врач УЗИ. “У этого плода есть человеческие права”	185
Пациентка № 1. “Приходите завтра к девяти и даже не раздумывайте”	203
Заместитель главврача. “Только с разрешения и по указанию”	221
Пациентка № 2. “Здравствуйте, у меня умерли дети, поговорите со мной об этом”	223
Врач роддома. “Это про судьбу, а не про вину”	240
Акушерка. “Живые родятся и без меня”	266
 Приложение. <i>Статистика прерывания беременности в Германии и России</i>	 281

Глава 1

Порок

Ну, кто там, девочка или мальчик? — спрашиваю узиста.

Он уже успел показать мне мозг, “очень хороший мозг у ребенка”, и сердце — “тут все правильно развито”. Он уже сказал, что размеры соответствуют сроку шестнадцать недель. Он уже задал мне этот абсурдный вопрос “Кто у вас дома?”, к которому за шестнадцать недель я успела привыкнуть, и я уже ответила, что у меня дома восьмилетняя дочка. Так что на этот раз я хотела бы мальчика. И вот я спрашиваю, кого он там видит, а он почему-то плотно сжимает губы. Как будто во рту у него большая кислая ягода и он размышляет, выплюнуть ее или нет. Он молча водит датчиком по моему животу и молча смотрит на монитор. Он слишком долго молчит, а потом говорит: — Там мальчик.

Но что-то не так с его голосом. С интонацией. Он снова сжимает губы. Я вдруг вспоминаю начало собственной фантастической книги “Живущий”: “Датчик пискнул, и врач считал результат. Я спросила: «Что-то не так?» Он молчал. «Что-то не так с ребенком?»”

И вот — ноябрь 2012 года, и я сама теперь в кабинете врача, который молчит, а УЗИ-аппарат попискивает, и я спрашиваю:

— С ребенком что-то не так?

Он решается, наконец, избавиться от своей кислой ягоды:

— В вашей семье у кого-нибудь есть патология почек?

— Нет...

— Мне не нравится структура почек этого плода. Гиперэхогенная структура.

На несколько секунд я даже испытываю облегчение. Подумаешь, почки. Ну, то есть почки — это, конечно, важно, но это все же не сердце, не легкие и не мозг, сердце и мозг у него хорошие, а почки мы уж как-нибудь вылечим, тем более никаких наследственных болезней почек у нас в семье нет. Это наверняка хороший прогностический признак...

— И они занимают бóльшую часть брюшной полости плода, — добавляет он. — Они в пять раз больше, чем должны быть.

Можно не знать, что такое гиперэхогенная структура, но совершенно очевидно, что почки

не должны занимать весь живот. Так что я, естественно, понимаю, что это плохо. Очень плохо.

— Возможно, поликистоз почек плода, — говорит он. — Вытирайтесь и одевайтесь.

Кажется, в этот момент я впервые ненадолго раздваиваюсь. Одна я трясущимися руками стирает с живота гель. А другая внимательно и спокойно следит за той первой, и за врачом тоже, и вообще она весьма наблюдательна. Например, она замечает, что он больше не называет моего ребенка ребенком. Только “плодом”.

— Вам нужно сделать УЗИ экспертного уровня, — он пишет мне на бумажке название клиники и фамилию, — желательно вот у этого врача, он специалист по порокам развития плода.

Я спрашиваю:

— Это очень серьезно?

Он отвечает, но на какой-то другой вопрос:

— Я просто врач УЗИ. Я не эксперт и не Господь Бог, и я могу ошибаться. Сходите к эксперту.

Мне кажется, что он хочет еще добавить: “И помолитесь”, но он больше ничего не говорит.

Считается, что первая стадия горя — это отрицание. Узнав ужасную новость, ты якобы не можешь сразу в нее поверить. Ты утверждаешь, что это просто ошибка или что тебе сознательно врут, что врач УЗИ — шарлатан, что он отправляет тебя на другое УЗИ к своему приятелю, чтобы выкачивать деньги... Да, я видела такое на форумах, посвященных патологиям беременности, и даже

моя мама, узнав о результатах УЗИ, на моих глазах очень скоро пройдет эту стадию, это нормальный защитный механизм — но у меня он почему-то не срабатывает. Еще до того, как я полезла в интернет читать про поликистоз, еще до того, как прозвучал диагноз, еще в тот момент, когда он смотрел в монитор и молчал, я поняла, что все очень плохо. Действительно плохо.

Я оплачиваю УЗИ и выхожу в ноябрьскую мокрую тьму. Иду по улице, потом соображаю, что я вообще-то приехала на машине, но не могу вспомнить, где я ее поставила. Минут двадцать я брожу вокруг Центра акушерства и гинекологии на Большой Пироговке, то и дело забывая, что именно я тут ищу. Идти тяжело. Как будто я двигаюсь внутри густого черного облака. Потом я все-таки набредаю на свою машину, забираюсь внутрь и лезу в мобильный интернет. Я набираю “поликистоз почек плода”, и открываю, открываю ссылки, и понимаю, что поликистоз бывает двух типов, доминантный (или “взрослый”) и рецессивный (инфантильный). Что доминантный — это как раз такой, который есть и у других родственников, и с ним обычно живут. А рецессивный — это как моем случае. Если это мой случай. На фотографиях — уродливые младенцы со сплюснутыми лицами и огромными, раздутыми животами. Мертвые младенцы. С поликистозом инфантильного типа не выживают.

...Густое черное облако, окружающее меня, вдруг заползает мне в рот и в горло. Я задыхаюсь.

Мне совершенно нечем дышать. Другая я, которая холодна и спокойна, тем временем подмечает, что я не просто сижу в машине и пялюсь в экран телефона, хватая ртом воздух, а еще и еду при этом по улице 10-летия Октября и мне все сигналият, потому что я вылезая на встречку.

Каким-то чудом я все-таки доезжаю до дома. Мне нечем дышать, и когда моя дочка Саша, мы зовем ее Барсучком, радостно выбегает с вопросом “Мальчик или девочка?”, а мой муж, тоже Саша, выходит с кухни с мокрыми руками и скучно интересуется: “Все в порядке?”, я не могу говорить, а только втягиваю и втягиваю в себя воздух, но воздуха нет, мое черное облако не пропускает его в мои легкие.

— Что с ребенком? — Саша-старший хватается меня за плечи. — Что с нашим ребенком?

Барсучок смотрит на нас с испугом и готовится плакать. Наблюдательная, спокойная я тоже смотрит на нас, причем укоризненно. Ей не нравится, что мы пугаем дочь. Ей не нравится, что я не могу себя сдерживать. Но ей забавно, что мы все как будто разыгрываем сцену из сериала.

— Не могу дышать, — всхлипываю я, вполне в рамках жанра.

Муж приносит мне стопку виски и говорит:

— Выпей залпом.

Добавляет, глядя на мой совсем недавно наметившийся живот:

— От такой дозы с ним ничего не случится. пей.

Я проглатываю содержимое стопки, и меня действительно отпускает. Я дышу, я смотрю на Барсука Младшего и Барсука Старшего. Как раз утром мы обсуждали, кем будет новый ребенок. Саша боялась, что он вытеснит ее с должности Младшего, но я сказала, что мы будем звать его Барсук Наименьший и никто не будет обижен... А теперь я говорю им обоим, говорю своим барсукам:

— Это мальчик. Но его не будет. Наверное.

Остаток вечера мы с мужем сидим в интернете, читая про поликистоз. Время от времени я рыдаю, а муж говорит мне, что это еще не точно, что нужно сначала дождаться экспертного УЗИ, что я рано впадаю в панику. А Барсучок Младший делает для меня открытку, на ней нарисован цветочек и написано корявым почерком, за который ее ругают в школе: “Мама, все будет хорошо”. Еще она таскает мне свои игрушки, одну за другой, и говорит, что они будут моими талисманами, что они меня защитят.

Этим же вечером, впервые за шестнадцать недель, ребенок во мне начинает шевелиться. Это мягкие, скользящие движения — как будто он меня гладит. Как будто мы собрались все вместе, вся “семья барсуков”, просто Старший и Младший снаружи, а Наименьший — внутри. Как будто все будет хорошо. Как в кино.

Глава 2

Такие не выживают

Утром Барсучок просыпается с большим горлом, поэтому Старший остается с ней. А я одна собираюсь на улицу Опарина в Центр акушерства, гинекологии и перинатологии имени В. И. Кулакова.

Еще ночью я успела прогуглить доктора Воеводина — того, что записан у меня на бумажке, — и гугл открыл мне, что он действительно один из лучших экспертов в стране. По телефону в регистратуре мне говорят, что Воеводин меня не примет, что у него запись на три недели вперед. Но у них есть другие специалисты экспертного класса. К ним тоже сложно попасть вот так сразу, но можно хотя бы попробовать, приезжайте.

Я беру с собой талисманы — плюшевую собачку и плюшевого суриката — и приезжаю. Я не могу ждать три недели. В Центре акушерства невероятное количество женщин и горстка сопро-

вождающих мужчин. Они сидят в зале ожидания и ждут своей очереди. Почти у всех женщин — гигантские животы. Как минимум половина женщин — “беременюшки”. Пока я озираюсь в поисках стойки регистратуры, одна беременюшка рядом со мной капризным голосом сообщает другой: “А я гормоны не принимаю, витаминчики только. Ведь главное, чтобы масику в животике было комфортно”. Беременюшки (так они сами себя называют на женских форумах) отличаются от просто беременных женщин повышенной сентиментальностью, склонностью к сюсюканью и иногда еще розовыми комбинезонами для будущих мам. В животиках у них сидят масики и пузожители. И им там очень комфортно... А моему — нет. Моему, наверное, некомфортно. Потому что вряд ли кому-то будет комфортно, если у него почки в пять раз больше нормы. И мне некомфортно. В этом зале ожидания, похожем на вокзальный. Среди этих женщин, у которых такие лица, будто скоро за ними прямо сюда придет игрушечный поезд и увезет их в прекрасное будущее. К молочным смесям, к розовым и голубым ленточкам, к распашонкам и памперсам. И к масикам, у которых нормальные почки.

А я в этот поезд не попаду.

Это зависть? Давайте я не буду врать. Это зависть.

Я выстаиваю очередь в регистратуре и говорю, что мне необходимо УЗИ экспертного класса.

— А вы беременны? — удивляется тетушка за стойкой. — Какой у вас срок?

Срок у меня четыре месяца, но живота почти не заметно. Как будто я и не беременна вовсе. Как-то даже обидно.

— Шестнадцать недель, — говорю я ей. — Поликистоз почек плода. Пожалуйста.

Тетушка проникается ко мне сочувствием и идет выяснять, готов ли кто-то из супер-пупер-экспертов принять меня прямо сегодня без записи.

Беременюшка в розовом спортивном костюме отступает от меня на шаг, как будто боится заразиться бедой. Вся очередь мрачно глазееет, вроде как бы и не на меня даже, а так, в мою сторону.

Тетушка возвращается к стойке:

— Вас согласился принять профессор Демидов. Это светило. Записываемся? УЗИ будет стоить три тысячи рублей.

Я записываюсь. Что такое три тысячи, я готова отдать и больше. Мое вчерашнее неэкспертное УЗИ на Пироговке стоило столько же. Я сажусь в зале ожидания и вбиваю в смартфон: “Демидов УЗИ плода”. “Википедия” сообщает, что Демидов Владимир Николаевич — “советский и российский врач акушер-гинеколог, перинатолог. Доктор медицинских наук. Профессор. Основоположник ультразвуковой и перинатальной диагностики в СССР”. То есть и правда светило.

Я испытываю прилив благодарности к пожилому профессору, который вот так вот запросто,

без всяких понтов, из чистого сострадания согласился принять меня в день обращения. Вот что значит настоящий врач с большой буквы. Советская школа. Мой номер (они высвечиваются на табло) еще не скоро, и я иду искать туалет.

Туалет на этаже один — то есть единственная кабинка. Если вы мужчина или, к примеру, женщина, которая никогда не была беременна, вы, возможно, не знаете, что позывы к мочеиспусканию у беременных женщин возникают очень часто и они очень сильные, во-первых, по гормональным причинам, а во-вторых, потому что растущая матка давит на мочевой пузырь. Поэтому стоять в очереди из пятнадцати человек в единственную кабинку довольно мучительно. Я пишу все это даже не потому, что не понимаю, почему кабинка единственная (хотя я и не понимаю), а потому что хочу, чтобы было ясно, в каком состоянии я нахожусь, когда моя очередь в сортир наконец-то подходит. Я уже практически берусь за ручку двери, когда путь мне преграждает уборщица с ведром и шваброй. Преграждает буквально — встает в дверном проеме и не дает мне пройти. Она смотрит вниз, на мои ноги, на мои зимние ботинки, и на лице ее — ненависть:

— Ты почему не в бахилах?!

А почему я не в бахилах? Не знаю. Я не думала про бахилы. Я не видела, где их продают.

Я не знала. Извините.

— Не знала она. Иди на первый этаж и надень бахилы. Без бахил в туалет нельзя.